

УДК 316.37

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ablazhey@philosophy.nsc.ru

МИФЫ О НАУКЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Статья посвящена анализу образа науки, сложившемуся в общественном сознании современных россиян, носящему характерные мифологические черты. Показано, что этот образ явно противоречив и консервативен, выявлены основные предпосылки его формирования и трансформации. Сделан вывод, что сложившиеся мифы о науке вполне поддаются воздействию, в связи с чем наука должна наладить продуктивный диалог с обществом.

Ключевые слова: наука, миф, общественное сознание, массовый человек.

Тема, обозначенная в названии статьи, одновременно и актуальна, и крайне сложна. Казалось бы, как можно относиться к науке в обществе всеобщей грамотности и преподавания (пока еще) в школе основ научных знаний в области физики, химии, биологии? Но – вот совсем недавний факт: по результатам опроса населения России, проведенного одним из социологических фондов, выяснилось: 40 % населения страны верят в то, что Солнце вращается вокруг Земли, уподобившись тем самым Шерлоку Холмсу из известного советского фильма. И это при том, что респонденты наверняка читали или слышали про Коперника, Галилея и других великих ученых, столетия назад доказавших обратное. Да и полеты в космос уже давно стали рутинной повседневностью. Значит, причины надо искать не только в формальном знании, но в том *отношении к науке, которое характерно для «массового человека»*, единственным источником информации для которого зачастую является телевидение.

Прежде чем переходить к самому анализу, необходимо методологическое замечание. Как верно отмечает С. Власова, «не имеет смысла говорить об отрицательном или положительном (в целом) образе науки в общественном сознании, поскольку не су-

ществует методики, позволяющей “усреднить” образы отдельных людей по многочисленным параметрам, но возможно, с нашей точки зрения, оценивать отдельные проявления отношения общества к науке и называть их либо негативными, либо позитивными» [Власова, 2004. С. 113]. Таким образом, настоящая статья, не претендуя на глобальный охват проблемы, представляет собой известную деконструкцию того образа науки, который характерен для сознания массовых слоев населения современной России. В качестве источника эмпирической информации использованы как материалы целого ряда исследований общественного мнения, так и полевые материалы автора статьи.

На первый взгляд, отношение к науке в стране в целом благоприятно. Есть данные, что доля сторонников внедрения в повседневную жизнь передовых технологий в среднем более чем вчетверо превышает долю их противников. Здесь мы лидируем, однако по уровню научных знаний оказались почему-то далеко позади (весьма неожиданно для страны, прежде гордо именовавшей себя самой читающей в мире). Во Франции, например, сторонников современных технологий не намного больше, чем противников (в 1,2 раза), но по уровню на-

учных знаний она Россию опережает. Этот пример опровергает тезис о том, что чем лучше люди относятся к науке, тем больше должно быть среди них сторонников свободы научных исследований и применения инноваций. Чаще всего в этом случае говорят о Швейцарии, стране, где построен адронный коллайдер, но где скептиков науки больше, чем сторонников. Скепсис касается, например, таких сюжетов, как клонирование человека или производство генетически модифицированных продуктов [Шувалова, 2009. С. 58].

Возвращаясь к России, отметим еще один парадокс: у нас низкий уровень понимания науки, но большая вера в нее. Широкая демонстрация поддержки новых технологий, но слабая реальная инновационная активность в сфере производства и большой консерватизм в сфере потребления. В целом для образа науки, сложившегося в массовом сознании россиян, характерно несколько основных моментов.

Прежде всего, достаточно четко осознается важность науки для развития общества. Опросы показывают, что граждане России в большинстве своем: считают, что роль науки в мире растет; признают высокий уровень развития науки в нашей стране; отмечают ее значение в повышении конкурентоспособности национальной экономики; согласны с необходимостью увеличения государственного финансирования науки. Также в «образе» науки преобладают такие черты, как общественная значимость научного труда и сложный характер работы ученых. В то же время, говоря о российской науке, респонденты не только отмечают снижение ее престижа, но и упрекают в отрыве от практической жизни, в технократизме и расставляют свои приоритеты научных исследований, нацеленные прежде всего на социально-экономическое развитие. Другими словами, делают упор на утилитарные цели науки.

В общественном мнении о науке ярко проявляются четыре наиболее типичные ориентации, три из которых – «пронаучные», а одна – современная, резко негативная, касающаяся положения науки в России.

Первая: очень сильная патерналистская ориентация. Она сформировалась с самого начала процесса институционализации отечественной науки и поддерживается как в научном сообществе, так и в обществе в це-

лом [Филатов, 1990]. Ее суть состоит в представлениях о высокой степени регулирования государством научной деятельности и слабом понятии об автономии науки. Наиболее ярко характеризуют такую патерналистскую ориентацию мнения об ограничении свободы научных исследований, о необходимости увеличения государственного финансирования науки, а также отрицательное отношение к работе отечественных ученых за рубежом. Эта ориентация свидетельствует о дистанцированности основной массы населения от науки, восприятию ее как элитарной, околосударственной сферы.

Вторая: вера в науку (как в чудо) – проявляется в виде сильных сциентистских позиций, надежды на науку в инструментальном плане, но эта позиция, как правило, не подкреплена личным познавательным интересом. Отметим: эта ориентация имеет сильную оппозицию в виде здорового скептицизма, который скорее благоприятен для науки.

Третья: технизм – вера в технические достижения, которые рождает наука. Она также имеет сильную оппозицию – в виде гуманитарной ориентации, свидетельствующей о расширении представлений о задачах науки.

Наконец, **четвертая**, негативная ориентация – ее можно назвать синдромом разваливающейся науки. Она, входя в противоречие с традиционными ориентациями советского периода, раскалывает общественное мнение на противоположные позиции, касающиеся, например, установок на научную карьеру и оценок уровня российской науки. Эта ориентация формирует неблагоприятный и довольно жесткий климат, препятствующий притоку в науку молодых кадров, а также, что немаловажно, – инвестиций. Изменение такого климата на благоприятный также представляется чрезвычайно сложной задачей [Шувалова, 2007. С. 42].

Еще один важный момент, о котором обязательно нужно упомянуть: расхождения в представлениях о приоритетах научной политики в глазах самих ученых и на уровне массового сознания. Они в основном не совпадают. С точки зрения большинства ученых, направления научных исследований, которые нужно развивать в первую очередь, это традиционные для нас космос, физика и пр. В глазах общества (а это уже

глобальный тренд) к таковым относятся, например, медицина и экология.

Один из самых распространенных мифов о науке, характерный, кстати, не только для России: представление о том, что наука – удел чудаков и неудачников. В Англии провели эксперимент – попросили школьников младших классов и детишек из старших групп детских садов нарисовать портрет ученого. Более 95 % изобразили странных человечков с жидкой растительностью на голове, идиотской улыбкой, в нелепых очках, белом халате и с мензуркой в руке. На 200 мужских портретов таких «ученых» приходился лишь один женский. Женщины-ученые в детском исполнении были более похожи на людей, но тоже в очках и с мензуркой. Почти то же самое и в России, только это тот самый случай, когда смех сквозь слезы, поскольку одним из негативных последствий этого мифа стало резкое падение престижа науки. В одном из исследований престиж профессиональной научной деятельности оценивался с помощью вопроса о карьере собственных детей. Установки респондентов разделились на две части – $\frac{1}{3}$ опрошенных положительно отнеслись бы к тому, чтобы их дети стали учеными, но почти половина не хотела бы такого будущего для своих детей. В 1995 г. соотношение мнений было противоположным – позитивные установки встречались чаще. Целый ряд проведенных социологических исследований среди ученых Сибирского отделения РАН показал: ученые в массе своей не хотят видеть своих детей учеными. Более 70 % отвечали, что не хотели бы для них ученой карьеры. В США преобладают позитивные установки – 80 % опрошенных не прочь были бы видеть своих детей учеными и только 2 % были бы против. И это при том, что, по свидетельству американских коллег, их профессию вряд ли можно назвать престижной.

Возвращаясь к нашему научному сообществу, приведем еще несколько цифр. Опрос 2004 г. показал – более 18 % научных сотрудников СО РАН сочли, что в российском обществе падает престиж науки и это является одной из наиболее значимых негативных тенденций. Одним из наиболее значимых факторов при этом стала «материальная необеспеченность ученых». Более 14 % научных сотрудников выразили мнение, что одной из побудительных причин

для выезда ученых для работы за рубеж также служит падение в России престижа научного труда. Этот фактор является и одним из основных препятствий для прихода молодежи в науку. Лишь немногим более 2 % сочли, что молодежь идет в науку, веря в ее будущее в России и видя рост ее престижа. Почти 68 % респондентов считают, что их научную деятельность определяют скорее внутренние факторы, чем внешние: ученых спрашивали, «какие факторы определяют в большей степени Вашу нынешнюю научную деятельность и жизнь: внутренние (индивидуальные) или внешние обстоятельства?». Другими словами, еще один устойчивый миф, имеющий широкое распространение с начала «шоковой терапии науки»: представление о том, что **ученые – это нищие**, чаще всего выражаемое формулой «Если ты такой умный, то почему такой бедный». Но на самом деле ситуация сильно изменилась. Однако факты свидетельствуют об обратном. На общем собрании СО РАН весной 2011 г. была озвучена такая цифра: средняя зарплата по Отделению составила более 43 тыс. руб. Это при том, что средняя зарплата по Новосибирску была на тот момент что-то около 18 тыс. руб.

Налицо также раздвоенность сознания членов научного сообщества, существование альтернативного официальному образу науки в представлении прежде всего научной молодежи. Проведенный нами анализ комментариев к заметке «Науке нужна свежая кровь», вышедшей на одном из новосибирских сайтов в 2008 г., показал: негативных отзывов было существенно больше, чем положительных. Среди основных негативных моментов упоминались следующие: трудности с закреплением для молодых ученых; оценка аспирантуры прежде всего как средства избежать службы в армии; мизерный размер доходов; большие масштабы внешней и внутренней миграции из науки; старение науки; невысокое место науки в ряду государственных приоритетов. Как видим, сознание молодежи, даже имеющей отношение к науке, также полно мифов и стереотипов. Как итог: заметное большинство авторов негативных оценок делают вывод о смерти науки в ННЦ. Приведем характерные высказывания: «я просто не ожидал, что наши ученые дожили до такого маразма, что уже не могут адекватно оценить об-

становку. В Академгородке науки нет. Она умерла и возродить ее невозможно. Только дураки этого не понимают»; «в институтах у нас только видимость работы делают... ничего не делается в наших институтах, кроме протирания штанов»; «сидят на старом имени и ничего не делают»; «реально многие после аспирантуры уходят из СО РАН. Кончилась наука в городке»; «доделаю кандидатскую и уйду в прикладную (варианты: прикладная наука, околонуучный бизнес. – А. А.). Иначе – только за бугор... мои фундаментальные разработки в России могут понадобиться лет через 10».

При написании статьи мы опирались на теоретическое положение о том, что научное сообщество, с одной стороны, традиционно обладает институциональной автономией, диктующей специфические условия социализации молодого ученого и его социальное самочувствие, когда «следующим поколениям ученых транслируются не только, и даже не столько собственные результаты, но и то, что возникает в процессе взаимодействия научного сообщества в его историческом развитии, и в этом смысле является достижением не индивида, но общества в целом. Там же, где есть сообщество, есть и множество действующих факторов, а значит, существенным становится принятие решений в ситуации, определяемой сетью социальных взаимодействий... наука определенного времени – это сообщество людей, занятых научными исследованиями, их сложнейшие связи и отношения, их познавательные установки и их познавательные практики, в первую очередь способы согласования этих установок и практик» [Карпович, 2002. С. 13–14]. Одновременно наука как общественный институт существенно зависит от своего социального окружения: «неоспоримо то, что на убеждения людей значительнейшим образом влияет сообщество, в котором они творят, и культура» [Целищев, 2002. С. 5].

Для всех наших собеседников (опрос проводился методом свободного интервью с научными сотрудниками и вузовскими преподавателями Республик Тыва и Хакасия) абсолютно бесспорным является убежденность в том, что «раньше» (очевидна нечеткость такого временного разграничения, и более строго хронологически это можно обозначить как период 1940–1980-х гг., особенно это характерно для Тувы) положение

науки и ученого, преподавателя вуза, степень уважения к образованным людям вообще, к новой, только нарождавшейся национальной интеллигенции, были совершенно иными, чем сегодня. Один из участников исследования выразил эту мысль очень четко: «Раньше мы были белая кость, уважаемые люди. Особенно для восточного общества, они уважали учителей, а сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на обочине дороги» (преподаватель вуза, Республика Тыва). Мотив уважения, почта, не говоря уже о престиже, которым были окружены прежде образованные люди, в первую очередь ученые, подчеркивали практически все участники исследования.

Другой наш собеседник, подтверждая, с одной стороны, эту мысль, выразил уверенность, что это уважение еще сохраняется на уровне сознания сельского жителя, продолжающего оставаться, во многом, носителем традиционного сознания: «Ученые – это была Интеллигенция с большой буквы, к ним здесь (в Туве) относились с большим пиететом, и в общем-то это до сих пор сохранилось, по крайней мере за пределами Кызыла, там кандидат наук, ученый, преподаватель университета – все-таки это сохранилось, и как мне говорили коллеги-тувинцы, у тувинцев еще сохраняется в сельской местности, что ученый, вот это действительно большой человек, и то, что он скажет, просто последняя инстанция» (научный сотрудник, Республика Тыва).

Положение науки изменилось, а на уровне традиционного сознания еще сохранились прежние стереотипы. Оценки науки на уровнях массового сознания и членов научного сообщества кардинально разнятся, хотя прежде, по всей видимости, они во многом совпадали: «считают, что напишут кандидатскую как диплом и будут большим человеком, со всеми вытекающими последствиями... что это возможность получения каких-то льгот, хотя ничего такого уже давно нет» (научный сотрудник, Республика Тыва).

Одной из ярких черт, характеризующих положение науки и ученых в нынешней социальной иерархии, стало невнимание к их нуждам и непонимание возможностей науки со стороны региональных властей. По мнению наших собеседников, власть на местах, совершенно не понимая роли и значения науки, не считает нужным проводить обсу-

ждение тех или иных проблем с участием ученых: «В республике вообще такое отстраненное отношение к науке... все делают вид, что науки нет, но она, тем не менее, есть и развивается абсолютно автономно». Когда того же собеседника попросили сравнить нынешние взаимоотношения власти и научного сообщества с теми, которые были характерны для советского периода, то выяснилось, что в то время они были гораздо более конструктивными: «В сравнении с советским период статус науки был выше на счет партии, потому что мы контактировали с обкомом партии, и они как раз признавали знания, пользовались очень часто... естественно, что наши работники постоянно писали всевозможные доклады. Что касается моих личных впечатлений, то я чувствовала, что мое мнение интересно. Сейчас это никому не интересно вообще; средства массовой информации тоже не очень активно интересуются нашим мнением... К нам власть никакого интереса не проявляет, это абсолютно точно» (научный сотрудник, Республика Тыва).

В провинции, на наш взгляд, до сих пор, несмотря на скепсис самих ученых, все еще сохранилось достаточно уважительное отношение к профессии ученого, к гуманитарной карьере, в частности. Это сказывается в большем уважении респондентов к своей профессии, значительная часть из них желали бы, чтобы их дети тоже пошли в науку (не хотят этого лишь около $\frac{1}{5}$ опрошенных ученых, тогда как в Новосибирске – почти половина). Наконец, учитывая более низкий уровень жизни в провинции в целом, гораздо благоприятны и оценки своего уровня жизни. Несмотря на падение престижа профессии ученого, в обществе вовсе не упал престиж интеллекта, к которому прислушиваются, и если этот интеллект сконцентрирован в научном сообществе, то его мнение становится тем более значимым.

Что касается причин такого положения дел, то, по мнению А. Юревича и И. Цапенко, не последнюю роль в пропаганде идей лженауки сыграло телевидение: «в борьбе за массовое сознание она [наука] вроде бы давно одолела паранауку, но сейчас ей вновь приходится подниматься на борьбу с, казалось бы, навсегда поверженным противником, у которого неожиданно появился новый союзник, по иронии судьбы, порожденный именно научно-техническим про-

грессом» [Юревич, Цапенко, 2010. С. 201]. И далее: СМИ преуспели «в создании образа отечественной науки как тяжелого бремени на шее нашего общества, у которого на подобную роскошь нет денег», «о том, что представляет собой наука, типовой обыватель, не читающий научных книг и журналов, судит по сведениям о ней, почерпнутым из СМИ. И именно поэтому на них можно возложить значительную долю ответственности за произошедшее в нашей стране кардинальное изменение отношения к науке. <...> Обозначилась более чем парадоксальная ситуация: наука нашей стране нужна как основа развития российского общества по инновационному пути, а ученые нет, будучи обузой для него». Их вывод: «Общий кризис современной российской науки – это кризис не самой науки, а системы ее взаимоотношений с нашим обществом, чреватый серьезнейшими последствиями для этого общества и отчасти спровоцированный СМИ» [Там же. С. 203–215].

Поразительно, но сами ученые мало что делают для того, чтобы как-то трансформировать эти мифы, тем более что они так или иначе влияют и на принятие важных для науки и образования решений (финансы, автономия и т. д.). Недавно, например, убрали пункт об отсрочке от армии для аспирантов. Здесь также стоит обратиться к истории: Д. Горин в своей статье ярко показал, что «целостная позиция научного сообщества в современной России звучит все менее внятно, даже по таким ключевым для этого сообщества вопросам, как реформа науки и образования. История показывает, что авторитет науки в России укрепляется вместе с ростом общественного признания научного сообщества. Знаменитые профессорские кружки XIX века были очагами развития зарождавшегося гражданского общества. Сегодня научное сообщество отстаиванию внятной гражданской позиции предпочитает, похоже, роль зрителя в спектакле, разыгрываемом известными сценаристами. Не стоит удивляться, что это сообщество из субъекта общественной жизни все больше превращается в объект. А интересы объекта учитывать необязательно» [Горин, 2007].

Подводя краткие итоги, следует отметить, что тот образ науки, который характерен для среднестатистического россиянина, прежде всего очень консервативен. Ситуа-

ция в науке сильно изменилась, что почти никак не сказалось на устойчивом представлении об ученых как голодающих чудаках с учеными степенями. Все так же популярны и имеют высокие рейтинги шоу экстрасенсов или астрологические прогнозы. С другой стороны, в последнее время все более заметны попытки объективного, взвешенного, популярного – в хорошем смысле – разговора о науке. Хочется надеяться, что это принесет свои плоды.

Список литературы

Власова С. В. Образ науки в общественном сознании // Вестн. МГТУ. 2004. Т. 7, № 1. С. 106–114.

Горин Д. Господин профессор. Как исторически формировался образ отечественного ученого // Независимая газета. 2007. 28 февр.

Карпович В. Н. Социальная эпистемология и принятие решений в демократическом

научном сообществе // *Философия: история и современность*. Новосибирск, 2002. С. 13–23.

Филатов В. П. Образы науки в русской культуре // *Вопр. философии*. 1990. № 5. С. 35–46.

Целищев В. В. Наука и социальные ценности: социальная и концептуальная структура научного дискурса // *Философия: история и современность*. Новосибирск, 2002. С. 3–12.

Шувалова О. Р. Наука глазами россиян // *Форсайт*. 2007. № 1. С. 39–43.

Шувалова О. Р. Нужны ли населению научные знания? // *Alma Mater: Вестник высшей школы*. 2009. № 3. С. 55–60.

Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М., 2010. 335 с.

Материал поступил в редколлегию 09.09.2011

A. M. Ablazhey

MYTHS ABOUT SCIENCE IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

This article analyzes the image of science that has developed in the social consciousness of modern Russians, wearing typical mythological features. It is shown that this image is clearly controversial and conservative, identified the main prerequisites for its formation and transformation. It is concluded that the existing myths about science it is amenable to, in connection with which science must establish a productive dialogue with society.

Keywords: science, myth, social consciousness, mass man.